

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

*Эрнст и сцена —
1996 — 11 — 18 июля —
0.5*

Еще пока в БДТ шли долгие и мучительные репетиции, пока делалась и переделывалась инсценировка, не давала покоя мысль: почему так стремится Евгений Лебедев сыграть роль Фомы Опискина? Каноническое прочтение вроде бы требовало другой индивидуальности, другого возраста. Возникали опасения и насчет политических ассоциаций, могущих возникнуть у каждого, кто начнет заново читать текст Достоевского. Но спектакль, поставленный Александром Товстоноговым (инсценировка его же совместно с Д.Шварц), утешил своей аполитичностью. Хотя публика время от времени горячо отзывается на невольные параллели, ни артисты, ни режиссер ничуть не подчеркивают возможную «связь времен». Они говорят о других вещах. О русском характере (в понимании Достоевского) — с его широтой, непредсказуемостью, умением прощать, любить, страдать, жалеть. И стало понятно, отчего так рвался Лебедев к роли главного героя, ставшего к тому ж заглавным: в БДТ уже на выпуске меняли название спектакля, сначала он величался «Возвышенные люди», в окончательной редакции — «Фома». Несмотря на то, что населяют село Степанчиково люди поистине «возвышенные», главный здесь все же Фома, и все сюжеты лишь вторят центральному, который в себе концентрирует и слабости, и доблести прочих персонажей.

Во время работы над ролью Евгений Алексеевич вылепил небольшую фигурку — грузный широкоплечий обнаженный человек сидит, задумавшись (вспоминается «Мыслитель»), из-за плеча его выглядывает черт, причем голова лукавого растет из того же корня, что и голова искушаемого. Эдаким монстром представляется артисту его персонаж, раздвоенное, несчастное создание. Таким Лебедев и играет Фому: этого человека все время словно черт за язык тянет и под локоть толкает.

Его первый выход обставлен, как появление столичного гастролера на провинциальных подмостках — все смолкают и расступаются, образуя свиту для «короля». Он выпагивает важно, встает на колено перед Генеральшей (Валентина Ковель), и картинно пригласив ее на танец, делает несколько изящных «па». Артистизм природы у этого Фомы виден во всем, в том, как ступает, как держит паузу, наслаждаясь нетерпением «толпы», как вещает, интонируя, словно опытный трагик, даже в том, как продуман его утренний туалет: шлафрок с бархатными отворотами, романтическая блуза поэта, востроносые восточные туфли из парчи.

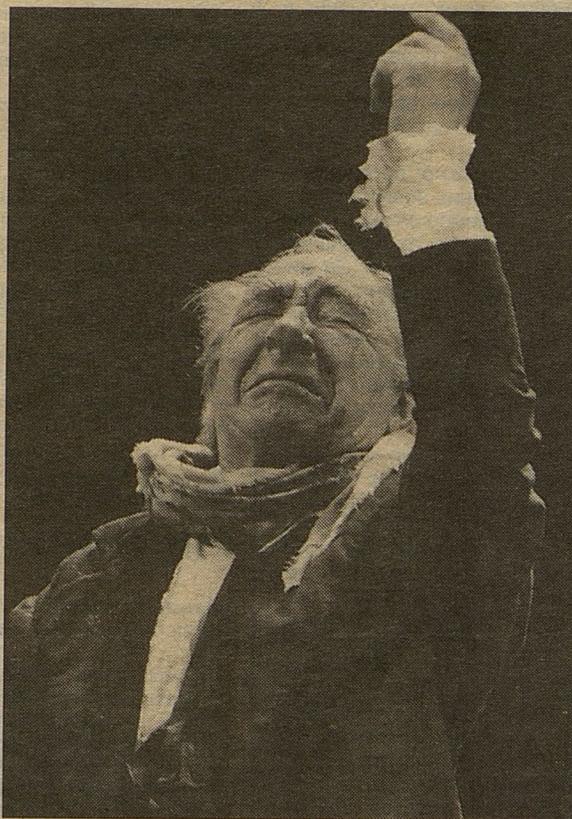
По Достоевскому, Фома — деспот, нахлебник, не забывший о прежней роли шута. У Лебедева он — милейший, возвышенный человек. Правда, с фантазиями. Тот демон, что искушает его, нашептывает всякие нелепицы, — типично достоевский, тщедушный, золотушный, с насморком. Не страшный, не могучий. Так, бесенок. Но в масштабах Степанчикова он, конечно, вполне величествен. И фантазии его весьма заразительны, но в об-

щем-то безобидны, невинны, как капризы балованного ребенка.

Картинные позы, поступки напоказ — все это от страха потерять свое положение жан-премьера. Недаром в Фоме изредка проскальзывают отголоски лебедевского Серебрякова, который тоже необычайно ценил свое избрничество. Это, конечно, не петербургский профес-

Фома, которому аплодисменты дороже злата

Елена АЛЕКСЕЕВА

сор, а просто провинциальный оракул, кумир старых дев и малограмотных отставников. Ассоциации с Тартюфом даже не возникают, настолько самостоятелен этот российский тип. В известном смысле он даже бескорыстен — корысть его вполне эстетического сорта, аплодис-

менты ему дороже денег. Virtuозно проводит Е.Лебедев сцену с полковником (Эрнст Романов), который пытается откупиться от Фомы. Это — звездный час его торжества над Егором Кузьмичем. Тот предлагает ему «миллионы», он же, Фома, не соблазнится звоном злата! Здесь Опискину не надо даже особенно притворяться: денег, конечно, жалко, но ведь его пытаются лишиться сцены, благодарной аудитории. О внутренней борьбе говорят лишь глаза, которые неотрывно следят за купюрами, улывающимися из рук. Это искушение Фома превозмогает, можно сказать, играючи — ведет его безошибочный актерский нюх.

Далее последует еще пара бенефисных — не столько для Лебедева, сколько для его героя, — сцен. Фома не мог покинуть подмостки, где привык блистать, собакой, поджавшей хвост и выпшвырнутой пинком. Он вернулся королем Лиром, чтобы продемонстрировать весь диапазон своего таланта. И мы видим, как из несчастного, промокшего, по-бабьи повязанного платком изгнанника превращается он в величественного благодетеля. Тот же мокрый платок он возводит в ранг метафоры, перевязывая им руки соединенных им счастливых влюбленных.

Рассказывая о спектакле, невольно рассказываешь о Лебедеве. Это не значит, что актеры БДТ играют как-то не так или не то. В «Фоме» немало интересных актерских работ, хотя ансамбль нельзя назвать безупречным. Но спектакль в целом построен так, словно свет все время направлен на Фому. Действительно, драмы и судьбы других персонажей, особенно тех, за кого принято переживать (Егора Кузьмича, его возлюбленной, его племянника), волнуют не слишком. Другое дело, Татьяна Ивановна, которая в исполнении Людмилы Сапожниковой человек, внутренне родственник Фоме Фомичу, — она тоже во власти порыва, фантазий, тоже натура художественная, только в другом жанре. Татьяна Ивановна — романтическое продолжение Фомы (хотя прежде их сродство никогда не бросалось в глаза). Подобное построение спектакля не на пользу общему впечатлению, снижает накал борьбы героя за первенство. Он вообще излишне умерен и аккуратен, диалог с прозой Достоевского ведется с излишней почтительностью. Исключение составляет Фома Опискин, которого в робости не упрекнешь.

Сценическое воплощение произведений Ф.М.Достоевского в БДТ — тема отдельная. И все же триада «Идиот», «Кроткая», «Фома» говорит сама за себя. Каждое обращение к великой литературе увенчивалось актерскими свершениями. Сам Лебедев не считал свою первую встречу с героем Достоевского вполне удавшейся. Может быть, это было еще одним подспудным мотором, толкавшим его навстречу Фоме?

● Фома Фомич — Евгений Лебедев.